

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

КРАСОТА ОПРЕДЕЛЯЕТ ИСТИНУ

РАССКАЗ О ФИЗИКЕ-ТЕОРЕТИКЕ, КОТОРЫЙ НАХОДИТ ТО, ЧТО ИЩЕТ.

Из справки: «28 февраля 1991 года исполняется 60 лет профессору, доктору физико-математических наук Вальтеру Алексеевичу ИГНАТЧЕНКО — заведующему теоретическим отделом Института физики имени Л. В. Киренского СО АН СССР.

В. А. Игнатченко работает в Институте физики с 1957 года, после окончания Одесского университета. В 1962 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1963 году избран на должность заведующего теоретическим отделом. В 1968 году защитил докторскую диссертацию, в 1970-м ему присвоено звание профессора.

Он специалист в области теории твердого тела, физики магнитных явлений, радиофизики... Автор свыше 170 научных публикаций. Под его руководством защищено около двадцати кандидатских диссертаций, среди его учеников три доктора наук. Результаты его работы неоднократно включались в основные достижения Академии наук СССР, отмечались премией Сибирского отделения АН СССР»...

СЛУЧИЛОСЬ так, что в период работы над этим очерком я как раз читал воспоминания А. Д. Сахарова о том времени, когда он работал в теоретическом отделе на «объекте». Не хочу вводить в смущение и в краску моих новых знакомых в Институте физики какими-то несопоставимыми сравнениями и тем доставлять им неловкость. Просто атмосфера доброжелательности, взаимного уважения и щедрости в оценках товарищей и учителей показалась мне очень похожей как там, за «сколочкой», так и здесь, в левом крыле первого институтского здания красноярского Академгородка, где разместился теоретический отдел. Сходство в том, что его создатели говорят не столько о себе, сколько о других, причем с такой добротой, которая свойственна лишь талантливым людям.

Вслушиваясь в магнитофонную запись нашей беседы с Игнатченко и утверждаюсь в этой мысли.

— Когда мы, выпускники Одесского университета, приехали в Красноярск, хотя тогда еще здесь ничего для науки не было, и познакомились с Леонидом Васильевичем Киренским, несмотря на все сомнения, все встало на свои места. Здесь будет интересная работа, здесь будет интересная физика, — решили мы с Юрой Захаровым.

— Кстати, вы так просто сказали: окончил и приехал. Но ведь у вас и другой опыт: вка-

последнее время в Новосибирском и сейчас складывается в Красноярском университетах. Не было такой силы. Но увлеченные теорией преподаватели, как, например, профессор Костарев, были. У них была любовь и стремление привить студентам любовь красотой логических построений в теоретических расчетах, безотносительно к тому, чем ты занимаешься — гидравликой, железом или водой.

Очевидно, я приукрашиваю и преувеличиваю значимость таких людей, но не могу избавиться от их обаяния, когда они говорят, в частности, вещные слова.

— Именно красота построений теоретической физики определяет адекватность познания.

Может быть, он не так выразился, но так я понял своего собеседника. И поэтому задал уточняющий вопрос о красоте.

— Кстати, вам знакомо имя профессора Румера, сподвижника и соавтора Ландау?

— Да, конечно, известно.

— Так вот у него есть интересная гипотеза относительно периодической системы элементарных частиц. Думается, сама идея такой системы выглядит весьма изящно.

— Знаете ли, в общем-то все построения, которые оказались истинными после экспериментальной проверки, они изначально были красивыми. На бумаге, например, эйнштейновская теория — это вообще нечто очень прекрасное. Кстати, где-то

ник, что лишь конспективно передаю его точку зрения по многим вопросам, о чем мы так интересно поговорили. Думается, что это тема для отдельного разговора. А сейчас, хочет он этого или не хочет, но интересуется он сам. Спрашиваю у его товарища, Юрия Владимировича Захарова, о том, о чем не смог спросить у самого юбиляра:

— Ведь вы однокурсники, вместе из Одессы приехавшие в Красноярск много лет назад. Ваш товарищ, что он сделал в науке, что он значит в вашей среде?

— Дело в том, что в нынешней теоретической физике, как раньше говорили, идет оценка по гамбургскому счету. То есть пока, скажем, ученики и соратники покойного Ландау не оценят работу и не скажут, что она заслуживает внимания, до тех пор она не принимается научной общественностью. Учитывая это предисловие, достаточно сказать, что Игнатченко является членом научных советов АН СССР по проблемам магнетизма и по проблемам теории твердого тела. Это уже является выражением доверия и авторитета в научных кругах и его влияния в науке. В нашей среде люди друг друга знают и знают счет данной работе. Кроме того, он член международного — так он стал называться — оргкомитета по тонким магнитным пленкам.

— По-моему, в этой области Красноярский научный центр

ывали, как говорится, по-черному?..

— Да, мне пришлось заниматься в вечерней школе и работать плотником в Одесском порту. Там ремонтировал корабли в послевоенные годы. Тральщики непрерывно отлавливали оставленные мины. И на них постоянно надо было делать всякую плотницкую работу...

Спаси и сохрани нас от повторения подобной истории, когда физик-теоретик, хотя и будущий, латает дыры на корабле от осколков мин. Нынешний Вальтер Алексеевич не тот, что был тогда, но те воспоминания, как заноза в сердце, которая по сей день саднит. Одно спасение — отвлечься и вспоминать более благоприятные времена.

— Когда приехал в Красноярск, — продолжает мой собеседник, — и морозы, и то, что мы здесь одиноки, конечно, сказывалось. Но Одесса дает такой заряд, что ничего не страшно, что бы ни происходило. А главное, здесь сразу же мы оказались в кругу очень симпатичных людей. Это все ученики Леонида Васильевича Киренского по пединституту, из которых он создал коллектив в Институте физики. Не знаю, то ли он отбирал таких людей специально, то ли это специфика Красноярска, но они готовы оказать любую помощь оказавшемуся здесь.

Далее Вальтер Алексеевич перечисляет всех своих друзей и товарищей, кто ему помог, с кем он работал. Особенно просит не забыть упомянуть молодого талантливого среди них исследователя Александра Михайловича Родичева, так рано. 34 лет ушедшего из жизни от лейкемии. Все они, теоретики и экспериментаторы, словно договорились рассказывать друг о друге, но только не о себе. Поэтому перехожу к разговору на общенаучные темы.

— Насколько мне известно, вы занимались вначале ядерной физикой, теорией относительности. Все же как вы стали теоретиком?

— Вспоминая Одесский университет, я должен сказать, что сильной теоретической школы, к сожалению, там не было. Например, такой, как сложилась в

на четвертом курсе университета моя курсовая работа была посвящена теории относительности. И я, как каждый молодой одессит, стремился покритиковать кого-нибудь, в частности. Эйнштейна. Теперь-то я знаю, что подобные попытки случаются десятками, но такую работу я своему руководителю профессору Костареву сдал. И он мне поставил пятерку. Спросил, неужели я прав. Он говорит, конечно, это все ерунда. А за что же пять? За оригинальность мышления.

И ВНОВЬ рассказывает о своих мудрых учителях и наставниках. Но я настойчиво спрашиваю о другом. В частности, правы ли мальчишки, поступающие в университет, чей разговор я случайно услышал. Один говорил, что физика объясняет все на свете. Другой же считал, что выше всех наук математика, которая все измерит и сведет к уравнениям.

— Видите ли, мы в теоретической физике боготворим свою науку, это естественно. Я понимаю, что фундаментальные физические законы, которые лежат в глубине материи, открыты лишь до определенного уровня, до уровня, скажем, элементарных частиц. Там есть еще большее движение вглубь. Но когда из этих закономерностей создаются большие системы, закономерности меняются. И вывести их из основных физических законов практически невозможно. Поэтому на каждом новом уровне, скажем, на биологическом, на уровне социальных систем, действуют свои закономерности. Хотя многое в этом аналогично физическим закономерностям. У меня такое впечатление, что человек с теоретическим мышлением среди компании биологов, медиков ли или социологов может оказать большую помощь. И тем не менее я сам не смог бы ничего сделать без знания структур иного мира. Перенос твердых законов фундаментальной физики, но осторожный, конечно, перенос на высшие структуры, — это очень плодотворный путь развития знания.

Пусть простит меня собесед-

занимает одно из ведущих положений в мировой науке.

— Да. Последнее совещание ученых по этой проблеме было в 1988 году во Франции. В Париже на международном конгрессе по магнетизму Вальтер был и представлял многих из нас. Вы знаете, что с финансами очень трудно, вот тут уже выбирают по заслугам.

— Как кажется, он остался одесситом, как и вы, и в любой ситуации может за себя постоять.

— Надо сказать, что нам очень повезло, что подобралась группа, которая оканчивала университет в 1957 году. Это было начало «оттепели». Тогда и обострилось понятие красоты, которое сопутствует истине.

И кроме того, наш товарищ отличается особой спортивностью. Она выражается не в лыжах и пробежках по лесу, а в особом отношении к науке и ее результатам. Он отстаивает, как правило, свою точку зрения с очень высокой заинтересованностью и даже со страстностью. В этом смысле Вальтер ведет себя, как спортсмен высокого уровня, стремящийся достичь результата.

И дискуссии, которые ведутся с близкими друзьями, — это процесс постижения, достижения правильного результата. В этом смысле он всегда ведет себя весьма спортивно, то есть он говорит то, что есть, и старается довести до результата.

Мы говорили об этом с Захаровым в коридоре, а в это время по всем телефонам раздавались звонки. Просили отметить четвертого доктора наук Р. С. Исхакова, защитившего диссертацию под руководством В. А. Игнатченко. А также председатель Красноярского отделения ассоциации советских корейцев доктор наук Петр Дементьевич Ким просил отметить особую порядочность и интеллигентность человека, о котором идет речь.

Из справки: «По желанию юбиляра, официальное чествование проводиться не будет».

Е. КОМАРСКИХ,
научный обозреватель газеты
«Красноярский рабочий».